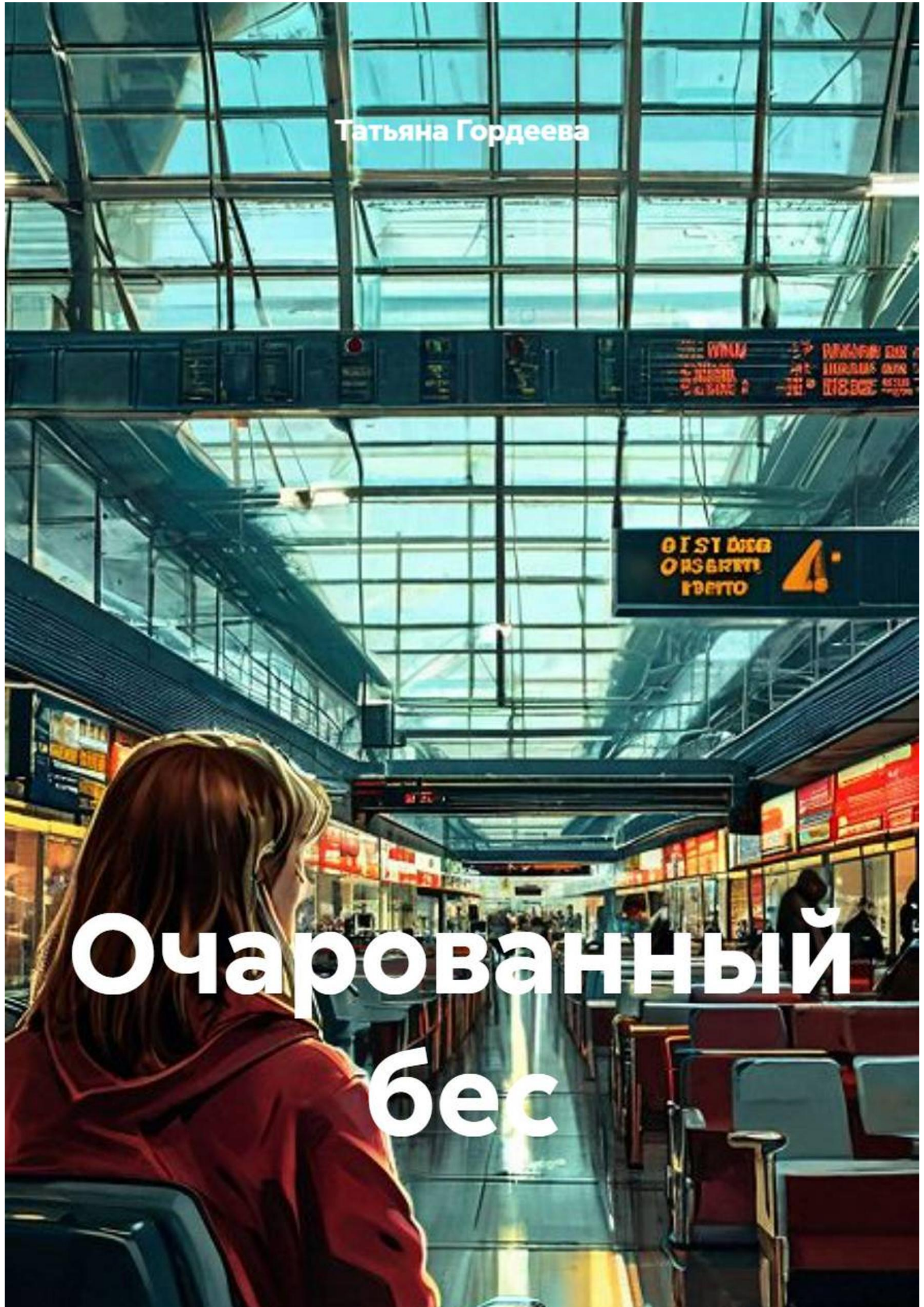

Татьяна Гордеева

Очарованный бес

Татьяна Гордеева

Очарованный бес

«Автор»

2026

Гордеева Т.

Очарованный бес / Т. Гордеева — «Автор», 2026

Сбежать от проблем в провинцию? Лучший план на сегодня. Но в аэропорту Светлану настигает мигрень, странная просьба и странные люди. Кажется, с этим рейсом летит слишком много тайн. И одна из них будет стоять кому-то жизни. Пока Светлана разбирается с наследством, убийца разбирается с свидетелями. Остаться в живых — вот её главная задача.

© Гордеева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15

Татьяна Гордеева

Очарованный бес

Глава 1

Очарованный бес

Глава 1. Пятница (Встречи)

- Вы не могли бы мне позвонить?
- Что... Простите?
- Позвоните мне... пожалуйста!
- Зачем? – беспомощно разведя руки, ответила Светлана.
- Я, похоже, его потеряла, - смутилась женщина.

Светлана подняла глаза. Женщина лет пятидесяти в тёмном платье обращалась к ней выжидательно, но глядя мимо, так что Светлана подумала, что та либо слепая, либо не в себе. Впрочем, сегодня и сама девушка была не в себе из-за бессонной ночи и изматывающей головной боли. И никак не могла понять, чего от неё хотят.

- Не понимаю, – сморщив лоб, беспомощно спросила Светлана, тоже уведя взгляд куда-то в центр тёмного силуэта собеседницы. Чёрное платье женщины было единственным спасением для глаз, избегающих нестерпимо ярких осенних красок. Осень пылала за прозрачными стёклами аэропорта, и сквозь них в просторный зал беспрепятственно вливалось закатное солнце, растёкшееся по многочисленным гладким поверхностям и бликующим граням. Только маленькая, тёмная женщина, словно шепчущая туманность или чёрная дыра, вбирала в себя и свет, и боль.

- Понимаете, я не могу его услышать, - сказала она, поднимая ладонь к уху.

Светлана поняла, что всё время сжимала в руке телефон в надежде в последний момент услышать звонок, который решил бы всё, и, может быть, отменил её внезапный отлёт. Но мобильник молчал. Поскольку обычно звонила она, он вообще редко подавал свой нежный, волнующий голос. От этого осознания ожидания показались бессмысленными.

- Вот и я не слышу..., - выдохнула Светлана, обречённо кивнув головой. От этого движения в голове снова всплеснулась боль, и девушка пошатнулась. Мир вдруг искривился, оплавился, куда-то поплыл. А взгляд девушки поднялся под высоченный, вращающийся купол аэропорта...

Упасть ей помешала твёрдая рука, вдруг прислонившаяся к её плечу. Оказалось, это был сухопарый мужчина. Оправившись от секундной слабости, Светлана подняла голову. Сквозь полутёмные очки на неё очень близко смотрели внимательные серые глаза. Узкий нос с тонкой переносицей делил длинное высокоскулое лицо на две несимметричных половины. Беспокойный взгляд его, словно опомнившись, тут же заглодел.

- Куда же вы летите, девушка? - сказал он. – Вы на земле-то еле держитесь.
- Именно поэтому и лечу, – ответила она.
- Почему поэтому? – брови его удивлённо вскинулись.
- Потому что земля не держит, как видите, - ответила Светлана.
- Стоит ли отчаиваться, может ещё получится... на земле?
- Ходить не получается, ползать не хочется, придётся попробовать летать.
- Прямо так сразу? Упав с такой высоты можно не подняться.
- Если всего бояться, так и не попробуешь, – улыбнулась она.

- Возможно, – согласился мужчина и, не услышав больше ничего, замолчал. Его брови сползли вниз. Пауза затянулась и Светлана, опомнившись, отвернулась, оторвавшись от своей

неожиданно твердой опоры. Светлые волосы, секунду назад касавшиеся его куртки, ещё тянулись к нему и, наконец, упали на лицо хозяйки. Она поспешно заправила их за уши и повернулась к тёмной женщине, которая так и стояла, растерянно оглядывая людей в разреженной очереди.

Большинство людей объединяло общее выражение безразличия, которое часто скрывает человека, прошедшего длительное время в аэропорту. Складывается оно не из природной холодности и черствости, а из накопившейся усталости, утомления от волнений и неопределённости, и, наконец, просто от страха перед полётом.

Тем временем совсем растерявшейся женщине в тёмном одеянии, наконец, повезло – нашлась добрая душа, которая догадалась предложить ей помощь. Подошедшая молодая девушка оказалась не только внимательна, но красива. Тёмные прямые волосы тяжелыми гладкими прядями обернули точёные плечи стильного пиджака, блестящие чёрные очки, поднятые на лоб, удерживали часть убранства над изящными серебряными серьгами с изумительным камнем яркого фиолетового цвета. Но ни камни, ни роскошь чёрных волос не шли в сравнение с яркими, выразительными серо-синими глазами и приветливой улыбкой, взлетающей так легко, что трудно было избежать всепроницающего и согревающего её обаяния.

Девушка протянула свою ровную руку с таким же ярким камнем в перстне, подав тёмной женщине плоский прямоугольник телефона. Та благодарно посмотрела, но покачала головой:

- Вы, пожалуйста, сами. Я, что-то ...

- Диктуйте, – сказала девушка, подняв брови и улыбнувшись.

Женщина проговорила свой номер старомодным «двоичным кодом» (по две цифры) и замерла, подняв вверх указательный палец. Откуда-то из-за её спины раздался неожиданный бардовский рингтон: «Просто нечего нам больше терять, всё нам вспомнится на страшном суде...» Все обернулись на звук, и сама женщина тоже обернулась, сделав шаг в сторону, и все увидели мальчика лет шести с рюкзачком, из которого и разносилась эта удивительная песня. Круглолицый, русоволосый, коротко стриженный, в короткой курточке и высоких ботинках, он отвернул в сторону голову и втянул в плечи. В этой традиционной для всех провинившихся мальчишек позе он был похож на нахохлившегося подростка-птенца, что всем своим беззащитным и трогательным видом гасит любые негативные эмоции.

- Ну слава богу! Я уж думала – потеряла! – облегчённо всплеснула руками женщина и, обернувшись к мальчику, добавила: - Лёня, ну что ж ты молчал?

- Не отдам, это мой... Это мамин! – выкрикнул он.

- Да знаю, знаю я, как для тебя это важно, - начала увещевать она его. – И для меня, поверь. Я всё понимаю. Но нам нужно будет отключить его в самолёте.

С этими словами она присела перед мальчиком и просительно протянула к нему раскрытые ладони. Мальчик не повернулся, но его сжатые губы вдруг задрожали, выгнулись скобой, и стало понятно, что он сейчас заплачет. Женщина глубоко вздохнула и её раскрытые руки превратились в объятия. Она прижала к себе его искажившееся, покрасневшее лицо, и так и сидела на корточках, покачиваясь вместе с ребёнком: «Ну не надо, успокойся, ну что ты?». Она всё говорила ему что-то утешительное, невидящими глазами обратившись к последним всполохам угасающего дня, а песня всё звучала и звучала: «...Спросят люди: «Что за шум, что за гром?» Мы ответим: «Просто так, просто так!»»

Все молча наблюдали эту сцену с каким-то единым чувством начинающегося понимания, отбрасывающего всё призрачно-важное и неожиданно лишнее, уравнивающее и примиряющее всех перед всеми. Даже Светлана, словно сквозь пелену, вдруг осознала смысл тёмного одеяния этой немолодой женщины, чёрной косынки поверх уже прихваченной сединой, головы. Весь её образ: опущенные плечи, потухшие глаза, блёклый голос, всё это нет, не кричало – тихо шептало о неподъёмном горе... но так тихо, что Светлана сперва и не услышала этого шёпота. Она сжала ремешок сумки на плече и отвернулась, опять увидев того высокого муж-

чину, который, слава богу, не смотрел на неё. Его пристальный и неотрывный взгляд скользил над головами остальных.

Светлана не могла обернуться на голос, она чувствовала, что глаза её щипало, а лицо пылало. Именно потому, что смотрела в противоположную сторону, она вдруг наткнулась на застывшее лицо девушки, искаженное таким странным выражением то ли сострадания, то ли испуга, что Светлана отвела глаза. Это непонятное выражение на её красивом лице окончательно отрезвило девушку, заставив забыть о своих мучениях. «Такой красоте не место в этом скорбном зале», - подумала она. И мысли эти относились не только к молодой шатенке, но и к той женщине в тёмном, и – к ребёнку.

Тем временем подошла её очередь на регистрацию. Её сосед уже отошёл в сторону, наблюдая, как отметила Светлана, за давешней красавицей. В очередной раз, убедившись в своей непримечательности и неожиданно разозлившись, она забрала документы и рванула к туалету, чтобы скрыть следы своего смятения и прийти, наконец, в себя. Плеская в лицо холодной водой и хлопая себя по щекам девушка всмотрелась в зеркало, в своё покрасневшее лицо с большими, но как-то неправильно, домиком, расположенными зелёными глазами. Им было всегда неловко за хозяйку, и некуда укрыться под светлыми ресницами и слишком тонкими бровями, расплзшимися в стороны от широкой переносицы неуместного вздёрнутого носа. Светлана не любила своё отражение, в котором всегда находила массу подтверждений своей «безнадёжности».

В очередной раз смирившись с очевидной реальностью, она достала мобильник и решительно отключила. Из зала послышался глухой голос, объявивший рейс и, опомнившись, она стала перетряхивать сумку в надежде на завалявшуюся таблетку цитрамона. Та, конечно же, нашлась в последний момент – кто бы сомневался. Быстро разорвав затёртый клочок конволюты, Светлана обнаружила вместо таблетки рассыпающийся в ладони дурно пахнущий порошок, который тут же поспешно забросила в рот и запила горстью воды. Надо было срочно бежать... Выскочив в зал, она отметила, что все её соседи по очереди исчезли. Это означало только одно – нужно было срочно бежать на посадку. Растрёпанная, с громоздкой и нелепой своей сумкой она неслась по просторному переходу, обогнав широкую спину такого же запозднившегося пассажира в светлой куртке и белой бейсболке, который почему-то не бежал, а спокойно преодолевал пространство, словно геймер, уверенно проходящий уже знакомый маршрут. Ободрившись, тем, что не последняя среди пассажиров, она уверенно достигла выхода и самого самолёта. Едва глянув вокруг, Светлана пробралась на среднее сидение, потревожив сидевшего у прохода явно похмельного и убийственно пахнущего дорогим одеколоном, стильно и дорого одетого мужчину, пропустившего её к месту. И лишь усевшись, увидела, что оказалась рядом с тем самым давешним соседом по очереди, который что-то высматривал в иллюминаторе.

Теперь Светлану уже ничто не волновало, она отдышалась, пристегнула ремень, закрыла глаза и предалась забытию в надежде на быстрое действие таблетки, чудом завалявшейся в сумке. Она никогда не обольщалась надеждами, и её уже почти не волновали оставленные позади переживания. Именно это всегда давало ей возможность быстрого восстановления. Решение принято, и от того уже становилось немного легче.

Глава 2

Ничего не предвещало печали, всё было хорошо, слишком хорошо. В последнее время жизнь Светланы летела, как радужный шар. Она радовалась влажным утренним облакам и ловила взглядом их искривлённые отражения в окнах домов. Она любовалась разлапистыми листьями клёнов, которые, как полусобранные пазлы, дробили очертания городских стен. Её трогали заботливые надписи «не прислоняться» на стёклах трамвая. Все люди вокруг казались ей добрыми и понятными. И ей хотелось улыбаться всем: полусонным попутчикам, серьёзным деловитым библиотечным дамам, бестолковым и тоскующим студентам, серьёзным, погружённым в себя читателям, всем и, главное, ему...

Как она могла не удивиться, что он заметил её, нескладную и неброскую, среди симпатичных, деловитых и стильных девушек, которых, учитывая близость университетских корпусов, хватало в центральной городской библиотеке, где работала Светлана. Но это чудо случилось, и вот она уже так нужна, её так ценят, ею восхищаются и, может быть, даже любят... Ни за что-то, а просто так. И для этого она не сделала буквально ничего, да – ничего! Началось всё с того, что она помогла ему с одной статьёй — вычитала, подобрала журнал, перекроила текст. После той публикации они стали неразлучны. И он так легко нашёл в её сердце те самые тонкие и трепетные струны, которые зазвучали в ответ на его красивые и умелые (теперь она это точно знала) знаки внимания. А она с тех пор работала для него вдохновенно и самоотверженно, представляя себя то соратницей, то созидательницей, то рабыней, то властительницей. Да, властительницей, ведь это от неё зависел его успех. Когда сотрудников, вроде него, стали оценивать по количеству публикаций, причём публикаций в высокорейтинговых, зарубежных журналах, и появились новые показатели результативности научной деятельности (ПРНД, ПЭД и пр.) работники этой сферы стали писателями. Кто-то был более удачливым, кто-то менее, кто-то – умеющим толково подать материал, а кто-то – не способный доступно изложить свои мысли. Ну а если мысли изначально были запутанными, как в случае со Светланиным «ухажёром», то она и сама была способна вложить в бестелесный текст свои соображения и свою текстуру. А уж этого добра у неё хватало. И она щедро делилась им со ставшим столь дорогим ей человеком, с тем единственным, для которого стоило сделать всё. Статья тогда была принята и вышла в ближайшем же выпуске журнала. Так она постепенно превратилась в литературного раба, ради внимания и доброго слова взвалившего на себя всю эту сомнительную деятельность, которая (что уж скрывать) возвышала её и в собственных глазах. Но Светлана ничуть не тяготилась этим, она чувствовала переполняющий её восторг, счастье самоотречения и любви, и глубокий смысл своего существования ради него! Такова уж природа многих женщин, поставить на пьедестал и восторженно служить... служить до конца, до смерти, да, до смерти! А ведь так почти и случилось, когда однажды в поисках любимого она спустилась в «курилку», где часто просиживали местные девицы. Именно там она услышала тот разговор, те его слова о себе. Она сперва не поверила голосу, заглянула за дверь, чтобы удостовериться, убедиться, что ошиблась... Но нет... не ошиблась.

Он сидел в развязной, незнакомой позе, полуприкрытыми глазами разглядывая точёную «капроновую» ножку кукольной, словно нарисованной девушки в обтягивающей блузе, и коротенькой юбке, едва обрамляющей бедра. У неё был томно очерченный яркий рот с сигаркой в тонких когтистых пальцах.

- Вообще-то эта серая мышь просто пашет на меня. Как ты могла подумать, что я могу с такой ... Нет, знаешь, есть женщины, созданные для работы, а есть – созданные для любви! - Он лениво оглядел её с ног до головы и прищурился. - Так что... не бери в свою милую головку эти смешные, ей богу, мысли.

Рядом согласно хихикала ещё парочка таких же ногастых девиц.

Дальше Светлана уже ничего не слышала. Кровь ей бросилась в лицо, её душил стыд. Стыд не за себя. Кто она, чтобы переживать за себя? Это был стыд за него, жестокое разочарование в человеке, испортившем такой прекрасный образ, который она боготворила, ради которого жила и который, судя по всему, сама и создала...

Не помня себя она убежала с работы и принеслась домой, стремглав взлетев по лестнице и бросившись в комнатушку, снимаемую ею у одной пожилой дамы, слава богу, не оказавшейся тогда дома. Не колеблясь она вытряхнула из аптечки все, какие нашла таблетки, и, жадно, давясь, начала закидывать их в рот, содрогающийся от спазмов и рыданий. Таблетки не лезли в горло, прилипали к губам и ладоням. И она отыскала на кухне графин с кипячёной водой и залила эту адскую смесь доброй половиной графина. Вкуса она не почувствовала, бросилась ничком на постель и провалилась в беспамятство...

Ночью, находясь ещё в полубессознательном состоянии, Светлана постоянно чувствовала какое-то движение в ладонях – о них настойчиво тёрлось что-то влажное и шершавое. Это беспокойство вытягивало её из забытья, и она наконец пришла в себя. Сбоку от неё пристроилась, громко тарахтя, хозяйская кошка. Та часто заходила в её комнату, если находила хоть маленькую щёлку в дверном проёме, втискивалась, навешая девушку и днём, и ночью. Кошка остервенело вылизывала её руки, тёрлась и запускала коготки в ворсистое покрывало. Она явно намерилась свернуть Светлану с намеченного ею бесславного пути, теребила и требовала внимания полюбившейся постоялицы. Девушка подняла тяжёлую голову. Её потряхивало и мутило. Но, как ни странно, душевные страдания уже не жгли так беспощадно, как вечером, сменившись какой-то апатией. Возможно, она исчерпала себя и теперь страдать уже не способна? «А нет – способна...!» Светлана, отстраняя кошку, шатаясь и стараясь не упасть, стремительно (как ей казалось) бросилась в ванную. Природа потребовала вернуть всё несвоевременно употреблённое во внешнюю среду – девушку выворачивало. Когда спазмы прекратились, ей стало легче и в голове немного прояснилось. Умывшись и дрожа всем телом, она вернулась в комнату. Её пушистая спасительница тут же шмыгнула следом и снова устроилась рядом. За окном сквозь утреннюю дымку уже робко пыталось взглянуть на землю ещё не разгоревшееся, затуманенное солнце. Закутавшись в покрывало и обхватив руками кошку, девушка глядела на светлеющее небо и медленно раскрывающийся кремовый солнечный диск. И в этот самый момент Светлана вконец очнулась и поняла, что чуть не совершила огромную и последнюю в своей жизни ошибку. Теперь она точно знала: ничего не стоит того, чтобы не жить. Жить надо хотя бы для того, чтобы снова увидеть свет следующего дня. Ведь какое наслаждение просто слышать голоса птиц и ощущать тёплую изгибающуюся кошачью спинку. Просто нужно было пережить эту ночь, дожждаться восхода и вдохнуть свежесть утра.

Ещё некоторое время она провалилась в постели с тошнотой и жестокой головной болью. При этом она как-то ещё умудрилась заказать билет на самолёт в тот провинциальный город, где когда-то жила у своей драгоценной любимой тётушки – маминой сестры. И вот она уже несётся в аэропорт со всё ещё тяжёлой головой, но с просветлевшим сознанием и жгучим желанием перемен. Она ещё держит включенным мобильный, лелея где-то в душе надежду на звонок, который убедил бы её в том, что всё это ошибка, фантазия, морок. Но телефон молчит...

Глава 3

Самолёт набирал высоту. Очнувшись от ломоты в ушах и тупой боли в голове, она с тихим стоном выдохнула, по-видимому, вызвав у окружающих её мужчин беспокойство. Сосед слева, мужчина лет тридцати, потянулся к внутреннему карману пиджака, забулькал предусмотрительно запасённой плоской бутылочкой с тёмной жидкостью и легонько толкнул её плечом. Светлана открыла глаза, перед ней колыхалась тёмная жидкость в маленьком стальном стаканчике, зажатом в пухловатой короткопалой руке.

– Не желаете? – предложил он.

– Нет, спасибо, – покачала головой Светлана.

Она мельком оглядела его: круглое лицо, свежий дорогой костюм, но взгляд мутный и усталый. Ей показалось, что он скорее похож на курьера или логиста, чем на серьёзного делового человека.

– Да ладно, – возвысил он голос, – чем всю дорогу мучаться! Это ж коньяк – лучшее средство!

Он потряхивал стаканчиком, который так и норовил выплеснуться Светлане на колени. От смеси перегара, одеколona и спиртового запаха её замутило.

– Уберите! – жалобно попросила она, отгораживаясь рукой.

– Не вздумайте пить! – тихо сказал правый сосед. – Никакой гарантии, а после принятого лекарства в особенности. Лучше горячий чай, с сахаром.

Светлана на мгновение замерла. Откуда он знает про лекарство? Никто тогда не мог её видеть. Однако голос его звучал так ровно и спокойно, что она расслабилась: показалось. А может быть просто угадал.

Чтобы не отвечать, Светлана отвернулась к иллюминатору. За стеклом плыла облачная вата — белое безмолвие, в котором проступило знакомое лицо тётушки. Лёгкая улыбка, лучики морщин у карих глаз. Как она угощала её чаем с травами и расспрашивала про жизнь. Как она боялась, что Светлана пропадёт в этом большом городе, и просила звонить чаще. А она искала свободы и всё откладывала звонок на завтра. И вот завтра настало, но звонить уже некому. Ключи от опустевшей квартиры лежали в её сумке, и Светлана до сих пор не смогла заставить себя вернуться и войти.

Она зажмурилась, прогоняя образ.

– Оставьте меня все в покое! – выдохнула она, откидываясь в кресле.

Соседи притихли. Но странное дело – отмахнувшись от них, она вдруг почувствовала, что напряжение начинает отпускать.

Светлана приоткрыла глаза и стала незаметно разглядывать пассажиров — так, чтобы не встречаться с ними взглядом, но увидеть всё.

В заднем ряду у иллюминатора сидел тот самый парень в бейсболке, которого она мысленно окрестила геймером. Он не спал — его левая рука ритмично сжимала резиновый эспандер, жилы на запястье вздувались и опадали. Лица из-под козырька не было видно, но Светлана почему-то была уверена, что он смотрит не наружу, а изучает отражение в стекле.

За спиной оживлённо переговаривалась молодая парочка. Их возбуждённые голоса и постоянные движения спинки сиденья будоражили окружающих.

Впереди у окна сидел мальчик Алёша, прислонившийся к иллюминатору. Женщина рядом с ним всё пыталась отвлечь ребёнка заботами, за суетой скрывая свою растерянность. Мальчик молчал и ни на что не реагировал. Когда женщина попыталась укрыть мальчика пледом, Светлана обратила внимание на ухоженные руки и деликатные неуверенные движения. Одета она была безупречно, хоть и просто. Тем удивительнее показалось Светлане то, что женщина достала из своей сумки сплетённую из прозрачных трубочек грубоватую фигурку

– чёртика с длинными ножками и спирально вытянутым хвостиком. Такие поделки делают из капельниц пациенты больниц. Мальчик удивлённо вскинул бровки, медленно потянулся к игрушке и аккуратно взял её. Та заболтала ножками и на лице его мелькнула слабая улыбка. Женщина облегчённо выдохнула и что-то сказала, обращаясь к соседу слева. Это был высокий худой человек. Длинный шарф, обмотанный вокруг шеи, скрывал подбородок и часть лица — даже в душном салоне он не снял его. Светлана заметила, что его пристальный взгляд почти неотрывно устремлён на красавицу в левом ряду. И это был не взгляд восхищения, скорее беспокойного, навязчивого внимания. И в этом пристальном внимании было что-то тревожное. Светлана отметила, что он что-то быстро чертил в блокноте. Движения его резкие, нервные. Голоса его Светлана не слышала. Изредка общаясь с женщиной в тёмном, он больше жестикулировал.

Красавица же, похоже, совсем ничего не замечала вокруг, она сидела далеко впереди в левом ряду у прохода и что-то писала, периодически отрывая глаза от бумаги, и задумываясь. Фиолетовый камень в серебряном перстне на её пальце поблёскивал при каждом движении руки. Периодически незнакомка отрывалась от написанного и подолгу смотрела куда-то в даль, в мир, из которого, возможно, и прибыла в эту недобрую реальность. Фантазия Светланы, как всегда, отвлекла её мысли. Прелестная девушка в её воображении стала повелительницей воздушных миров, феей, способной увидеть, очаровать, обезоружить все тёмные силы.

Неожиданно она повернулась и встретила взглядом со Светланой. Девушка обмерла — её захлестнуло странное, болезненное ощущение родства: боль, вина, разочарование — и неведомо что ещё. Но вот взгляд красавицы прошёл сквозь неё и, наткнувшись на что-то острое, отпрянул. Он скользнул по лицам пассажиров и вернулся к тому тревожному посланию — теперь Светлана точно знала. Но что это за послание и кому?

Глава 4

Глава 4. Возвращение

Самолёт прилетел ночью, изгнав из своего теплого нутра полусонных пассажиров. Теперь им предстояло идти по зябкому сырому воздуху к небольшому тускло освещённому двухэтажному зданию аэропорта, где они должны были провести остаток ночи в неуютном зале ожидания. Вдали узнавался город – красноватое марево в ночном небе, отражавшем остатки уличного освещения в предрассветном тумане. Молчаливой цепью пассажиры потянулись внутрь через низкий светящийся вход и там разбрелись по залу, умеренно людному для этого времени суток. Некоторым предстояло добраться до города со встречающими или на заранее заказанном такси и успеть ещё доспать в тёплой постели.

Светлана, покружив по аэропорту, решила первым делом избавиться от своей громоздкой сумки и поискала взглядом камеры хранения. Выбрав свободную ячейку с номером, днём своего рождения, она набрала код – год рождения, довольная своей находчивостью. Тут в этот же отсек вошла давешняя её прекрасная попутчица, которая, осмотревшись по сторонам, выбрала ячейку и вложила в неё свою миниатюрную чёрную сумочку с вычурным вензелем «S» на замке. Задержавшись и пропуская Светлану, она словно припоминала что-то, позволив той мельком взглянуть на номер ячейки. «Люди неоригинальны – все привязаны к датам, - подумала она. - Можно было бы располагать ячейки по 30 штук. Но как тогда пристроить 31-ю?».

С этими размышлениями она направилась к залу ожидания. Спускаясь по лестнице, она увидела, как идёт к выходу «чёрная» женщина с мальчиком. Их ожидал такой же чёрный автомобиль (в марках Светлана, как большинство женщин, не разбиралась). Ей показалось, что с ними уехал и попутчик в длинном шарфе. Ещё раньше довольный законченным перелётом вышел её похмельный, но уже ободрённый «левый» сосед, благоухающий всеми мыслимыми и немыслимыми ароматами весёлой ночи. Позавидовав ему и мысленно распрощавшись с так недолго знакомыми ей людьми, Светлана прошествовала в холодную уборную, чтобы принять привычный уже ледяной душ в лицо, который приносил ей временное облегчение от ещё отдаённо напоминающей о себе головной боли. И, задержавшись в кабинке туалета, она вдруг услышала знакомый женский голос, нарушивший монотонный звук капающей воды в унылом полутёмном помещении. Девушка разговаривала по телефону, и слова её гулко отскакивали от кафельных стен:

- Мы вместе летели... сегодня в восемь вечера в парке, я буду ждать вас на мосту... приходите, пожалуйста... Это важно и для вас, и для меня.

Дверь хлопнула. Светлана выскочила из кабинки и, добежав до входа, выглянула наружу. Девушка уже спускалась по лестнице, направляясь к выходу из здания. Тёмные блестящие тяжёлые пряди скользили по её узким плечам, а за спиной болталась стильная сумочка с крупным металлическим вензелем «M». Она шла к выходу, где её уже ожидало такси. Сделав несколько шагов через зал к окну, чтобы разглядеть отъезжающую машину, Светлана заметила отъехавший следом тёмный автомобиль, стоявший вне освещения и обозначившийся только благодаря вспыхнувшим габаритам.

Петляя между рядами сидений, занятых спящими людьми, с прижатыми чемоданами и сумками, она, наконец, отыскала свободное место рядом со своим «правым» соседом. Он убрал дипломат с соседнего кресла, словно специально держал его для неё. Глянув на её мокрые волосы, он не сдержался:

- Умываясь холодной водой, можно заработать массу проблем с головой! Лечиться надо, и не глотать что попало.

От этих слов Светлана вздрогнула и пристально посмотрела на него. Этот человек снова выводил её из равновесия. Она уже пожалела, что устроилась рядом с ним, и спросила напрямую:

– Откуда вы узнали про таблетки?

– Просто сопоставил некоторые факты, - сказал он, подражая манере известного сыщика, - ваш полуобморок на аэровокзале, наморщенный лоб, прищуренные от света глаза, мокрые волосы и, наконец, запах этой группы препаратов. Аспирин, парацетамол, цитрамон имеют запах, особенно если он просрочен. Ну и самое главное! – тут он сделал драматическую паузу, – пустая конволюта с названием лекарства, вывалившаяся у вас из сумочки.

У Светланы дыхание стеснилось от возмущения. Ей вдруг захотелось чем-нибудь приложить этого умника по голове. Она даже чуть не замахнулась.

– И нет! – сказал он так торжественно, как будто говорил «да», – я не врач. Не надо быть врачом, чтобы представить безрадостную старость столь беспечно относящейся к себе и своему здоровью девушки.

– Вам-то что за дело до моего здоровья и моей старости? – начала всё же остывать Светлана. Разговор становился скучным для неё.

– Пожилому человеку особенно важно оставаться здоровым.

– Боже, какая старость? О чем вы говорите? И вообще, моё здоровье – это моё... личное... дело!

– Ошибаетесь, – ответил он, пожав плечами, – никому не будет лучше от того, что вам будет хуже! И в первую очередь вашим близким людям.

– К счастью, у меня никого нет – ни родных, ни близких! – желая прервать утомительный разговор, ответила Светлана. С этими словами она отвернулась от него и, разувшись и подогнув под себя ноги, закрыла глаза, боком привалившись к покато́й спинке кресла. Подрагивание крыльев носа выдавало всё ещё не утихшие эмоции, но никак не желание сна. Однако она упрямо сидела, закрыв глаза, хотя неудобно принятое положение сразу дало о себе знать: левая нога тут же онемела, а правая устала от напряжённого висения. Тем не менее, она довольно быстро заснула, забыв о своём намерении держаться независимо и постепенно сползая в сторону соседа. Наконец она отклонилась назад до упора, заняв единственное удобное положение и снова рассыпав по его плечу свои легкие светлые волосы. Мужчина терпеливо исполнял роль спинки шезлонга, почему-то жалея эту показавшуюся ему беззащитной девушку.

– Ну нет, так будет, – сказал он тихо, когда его уже никто не мог слышать.

Светлана заснула неожиданно крепко. Владимир, так звали её попутчика, едва смог её разбудить, сообщив о подошедшем автобусе. Практически на автомате, как робот, она, коротко попрощавшись, побежала к камерам хранения и, скоро выхватив сумку, заметила вскользь, что ячейка, выбранная той самой красавицей, закрыта: «Всё же популярна эта 28-я ячейка. Интересно, есть ли что-то общее между людьми, рождёнными в один день? Нумерология, гороскопы... Надо будет посмотреть, не родилась ли я в понедельник – это многое бы объяснило». Светлана зацепилась за эту мысль и поспешила к автобусу, уже витая в воспоминаниях о курсе теории вероятности, который скудно преподавали на их историческом факультете.

Владимир облегчённо выдохнул, но тут же замер, увидав через запотевшее окно ту самую девушку. Она размеренно и как-то странно шествовала к остановке. Она напонила ему девочку из известной сказки профессора математики со сложной фамилией Доджсон, который позже взял себе звучный псевдоним – Льюис Кэрролл. Она шла с расставленными носками туфель, отведя свободную руку в сторону — будто придерживала воображаемое пышное платье. В этом было что-то от мультяшной Алисы. Он усмехнулся. В его кругу люди вели себя иначе. Они не забирались с ногами в кресло, не ходили с мокрыми лицами и не вышагивали подобно сказочным персонажам. Эта непосредственная и неожиданная девушка необычайно развлекала его.

Водитель, терпеливо открывший дверь последней пассажирке, проводил её взглядом и, покачав головой, тронулся. Автобус свернул в серую глухую вату туманного утра. И потекли за окном ещё не расцветенные, не согретые теплом утреннего солнца придорожные кусты и унылые окраины, казалось, забытого, но некогда столь близкого ей города.

Он оказался таким же, как раньше, Светлана узнавала его, но, казалось, сам город не узнавал её. Почему-то не было с его стороны того тепла и участия, которое она чувствовала когда-то. Что-то изменилось – и в ней самой.

Выйдя из запотевшего автобуса, она с удовольствием почувствовала освежающий пред-рассветный ветерок на лице и бодро, как советские физкультурницы, зашагала по тротуару, напевая что-то себе под нос. «Утро красит нежным светом...» – догадался Владимир, проводя её взглядом.

Ноги сами несли Светлану по знакомым тротуарам к серой пятиэтажке. Когда-то она жила здесь с тётушкой, на третьем этаже, в малюсенькой квартирке с видом на реку.

Вот уже полгода, как тёти не стало, и Светлана боялась приезжать сюда, оставляя заботу о квартире добрейшей соседке. И решила приехать только тогда, когда её саму настигло это осознание, когда она поняла, что родным тот большой безразличный город никогда ей не станет, а люди, казавшиеся ей близкими, на самом деле ими не были, и когда, наконец, в один миг рухнул мир, лопнул как радужный шар, оказавшийся иллюзией, в которой она всё это время жила, не снимая своих дивных розовых очков.

Знакомый стук подъездной двери, узнаваемая трель звонка, осунувшееся лицо соседки, радостно вспыхнувшее ей навстречу, всё это помогло преодолеть неловкость раннего визита и согласиться на чашку чая. Галина Петровна хлопотала, предлагала тапочки, снимала с неё сумку, наполняла чайник и всё говорила, говорила. А Светлана думала: «Что мешало ей вернуться сюда пораньше, когда старенькая её тётушка ещё сама могла выпить с ней чаю, как когда-то, на тесной кухне...». Посидев так немного под эмоциональный, но неразличимый для девушки голос соседки, и уговорившись сходить вместе на кладбище, она решила всё же отправиться в пустующую квартиру.

Очень, очень медленно, прислушиваясь к звуку поворачивающегося в замке ключа, Светлана вошла в свой старый, родной и стосковавшийся по ней мир.

Глава 5

Глава 5. Розовый слон

Утро следующего дня оказалось солнечным. Квартира, ещё вчера умытая и приведённая Светланой в порядок, ожила и в ласковых лучах утреннего солнца пропитывалась теплом и светом. Хотя дело могло быть и в том, что, попав в спокойную привычную обстановку тётиной квартиры, она наконец отдохнула и выспалась. Во всяком случае, настроение её с утра было более жизнерадостным, чем накануне. И Света тут же решила потратить его на обход окрестностей. После столь долгого отсутствия ей крайне необходимо было провести «рекогносцировку местности». Она улыбнулась, вспомнив наставления своей любимой учительницы Лидии Александровны: учиться читать письма природы, чтобы по растительности находить утраченные объекты. Прослушивая (это было её привычкой) и как бы смакуя звук, девушка щёлкнула ключом в замке и решительно сбегала по ступеням. Распахнув подъездную дверь, она приготовилась заново открыть мир, скукожившийся в её глазах за годы жизни в большом городе. Несчастья и неудачи её отступили на дальний план, свернувшись где-то в уголке её души холодным мотком колючей проволоки. И хотя оттуда, из темноты, они ещё саднили поблёскивающими в темноте острыми краями, это уже были не те режущие шипы бешено извивающейся и бьющейся стальной змеи, которая душила её ещё пару дней назад. Теперь зверь присмирел и уже не так мучал, едва ворочаясь. Светлана с облегчением ощутила эти метаморфозы и решительно направилась навстречу переменам, вспоминая оптимистичного котёнка Гав из старого детского мультфильма.

Завернув к набережной, она задохнулась от восторга. За рекой, в сизой дымке утреннего тумана, поднимающегося от тёмной воды, причудливыми фигурами выступали тёмные стволы деревьев. Неподвижная драпировка листвы, кое-где уже тронутая осенним заморозком, пестрела отдельными светлыми прядями. Солнце, пробивающееся сквозь утренний туман, щедро заливало макушки крон ярким обжигающим светом, превращая листву в золотистую чешую.

Выйдя через небольшой окрестный сквер, Светлана поняла, что не просто гуляет, а идёт в направлении дома бывшей однокурсницы Лены. Поразмыслив, она решила, что воскресенье – не самый неудобный день для посещения старой подруги и не стала препятствовать своим неожиданным планам. Ленин дом один в один напоминал её собственный. Только напротив, вместо серой многоэтажки стояла двухэтажная «сталинка» – розовая, как слон из детской песенки.

В приподнятом настроении девушка завернула во двор и... не узнала его. Сперва она подумала, что ошиблась, позабыв точный адрес. Но потом поняла, «розового слона» - «сталинки» во дворе не было! На его месте чернели обугленные и бесформенные, как на военных фотографиях, руины с останками чёрных печных труб, наставленных в небо. По тому, как пожарище было обнесено строительным заборчиком, Светлана поняла: случилось это не вчера. Она озадаченно рассматривала дом, привыкая к новому виду двора, как вдруг услышала за спиной звонкий голос:

– Спалили дом то, спалили, – проговорила женщина лет шестидесяти в стёганой тужурке и красном, завязанном на затылке, платке. Высокое лицо, крупный нос в красных прожилках и метла в руках, говорили сами за себя. Она была похожа... на бабу Ягу. Сначала Светлана насторожилась, но потом расслабилась от забавной ассоциации и решила её расспросить.

– Почему спалили? Кому-то мешала?

– Как же не мешать, – развела та руками. – Как собрался один местный бизнесмен строить парковый комплекс, так и сгорел дом.

– А как он сгорел, когда?

– Так весной ещё! Полгода как!

Приосанившись, и опершись на черенок своего, не изменившегося за столетия орудия, она затянула свой рассказ:

– Ночью это было, как раз под Пасху. Здесь ведь, в доме то, жили всё старинные наши люди, значит, порядочные. Но, как говорится, в семье не без урода. К бабке тут одной дочка переехала. Молодая девка, красивая, да больно наивная. Вот, значит, начали к ней приятели захаживать. Компании появились, шуметь начали, мусорить, а то и драться. Опять же вещи стали со двора тягать. Раньше то беды не знали, а стало так, что ничего не оставь. Мы уж и стыдили её и стращали милицией, но куда уж там. Молодая, да беспутная. Музыку свою врубит, никому, ни старому, ни малому покоя нет. А тут этот, Фроловцев на нашу сторону глаз положил, строить хотел, территорию, дескать, облагораживать. И дом то этот ему в план не вписывался. Да и напели ему, что дом, мол, аварийный, неблагополучный. Вот он ходил тут, убеждал, обещал жильё новое. А люди то не особо верили, не соглашались. Ну вот на Пасху и заполыхало, – она поджала губы, подумав. – Так что охотники были. С другой стороны – «Не пойман, не вор!»

– Но почему поджог? Может само! Сами ведь говорите, дом аварийный!

– Парни тут на пасху гуляли, шумели, вот под шумок кто-то и подпалил. Следствие было. Да только никого не нашли. А кого нашли – выпустили.

– И что? – удивилась Светлана, – это что-то значит?

– Да видать заплатили за них. А платит тот, кто музыку заказывает, и у кого рыло в пуху! – подняла тон женщина, развела руки ладонями вверх и значительно выдвинула подбородок, качнув лицом.

Светлана восхитилась, как виртуозно сложила дважды два эта незатейливая с виду женщина. И снова та напомнила ей умудрённую долгой жизнью Бабу Ягу. Покивав и как бы соглашаясь с выдвинутой версией, Света спросила:

– А люди куда делись?

– А кто куда! Вот если б согласились, бизнесмен-то их и пристроил бы, а так – ему же и легче, – махнула та рукой, и, словно спохватившись, начала ещё энергичнее мести, приговаривая ещё что-то уже сама с собой.

Метла её весело заскребла по раскрошенному асфальту. На дорожке перед ней там и тут лежали будто подпаленные осенние листья.

Понаблюдав за бойкой работой обыкновенной метлы в руках рассудительной дворничихи, Светлана подумала: «Как здорово, должно быть, вот так просто мести двор и знать доподлинно, что и почему на этом дворе происходит. Так, как будто она одна здесь хозяйка. Наверное, только в маленьком мире и можно быть хозяйкой. Большой – сам становится твоим хозяином, а очень большой мир тебя просто не замечает, как песчинку на берегу моря. Может быть, и ей найдётся в этом уютно-знакомом мире своё место, на котором она тоже сможет почувствовать себя нужной и даже может быть незаменимой...

С этими мыслями Светлана повернула к многоэтажке, где жила Лена. Поднимаясь по лестнице, она в каждом пыльном подъездном окне пыталась взглянуть на открывающийся сверху парк и сгоревшую сталинку. Взобравшись на пятый этаж, она отдышалась и несколько раз постучала в дверь. Время было достаточно ранее, да ещё и выходной. Так что трезвонить, как раньше, она не хотела. Спустя некоторое время послышались мягкие, еле слышные быстрые шаги, пауза, и вот, дверь отворилась. В проёме показался крупный грациозный силуэт в банном халате с тюрбаном на голове. Теперь стала понятна заминка, Светлана выдернула подругу из душа.

– Мать моя женщина... – воскликнула «халатная» Лена и, ухватив девушку за рукав, втянула в узкий, но кажущийся просторным из-за света и большого зеркала коридор. Она прижала её и выдохнула: «Свееетка ...! Ты где пропадала-то?» – лицо её под тюрбаном расплылось в

плаксивую, но довольную гримасу, потом собралось в энергичную и деловитую, скомандовав: «Раздевайся, проходи!»

Светлана нога за ногу стянула кроссовки и, проигнорировав предложенные огромные лохматые тапки-«зайцы» (теперь стали понятны мягкие и пушистые шаги хозяйки), шерстяными носками протопала в светлую кухню.

– Следи за кофе, я сейчас, – она исчезла за дверью.

Света подошла к окну. С пятого этажа как на ладони был виден двор с чёткой границей, перемещающейся вместе с красным огоньком платка дворничихи. Та энергично расчищала дорожки от нападавшей за ночь листвы, и линии тротуаров становились чёткими. «У этой бабы Яги удивительная способность вносить порядок в запутанную неясность жизни, расставляя всё по местам», – подумала Светлана. В стороне стоял сгоревший остов тёмной сталинки, отгораживающий двор от прилегающего парка с гуляющими собачниками. За пожарищем сквозь ещё не совсем рассеявшийся туман виднелась сереющая плоскость реки. Дальше были видны силуэты городской застройки, одни – знакомые, другие – совсем неузнаваемые, высокие, непривычно колоритные, удивительно гармонично вписывающиеся в застройку и оживляющие её. С высоты Светлана заметила, как изменился город. В нём появилась неожиданная стильность, свежесть.

– Ваша дворничиха – мудрая женщина, – заметила Светлана вернувшейся Лене, снявшей с головы полотенце и распустившей свои короткие, но рыжеватые пышные волосы.

– Марковна-то? – не удивилась Лена, снимая ловким движением с огня турку. – Это – да! Она кого хочешь заговорит. Участковый от неё щемится, – засмеялась она. – Наши бабки говорят: «Ей образование – была бы мэром».

Быстро разлив кофе по чашкам, Лена уселась напротив подруги и, подперев щеку рукой, протянула улыбаясь: «Да ты моя-то красота!».

– Скажешь тоже, – опустила голову Светлана, пряча смущение.

Она обхватила горячую чашку руками, осторожно перебирая пальцами. Она тихонько дула на пар и наблюдала за взвевающимися тонкими струйками. Некоторое время они обе молчали, улыбаясь друг другу. Казалось, будто не было этих лет, всё как когда-то. Светлана подумала: «Как всё-таки здорово, когда есть что-то, что неизменное, когда есть кто-то неизменный».

– Ну давай, рассказывай, – протянула, наконец, Лена, – надолго приехала?

– Не знаю пока, – ответила Светлана. – Может быть и навсегда.

– У тебя что-то случилось? – Лена посерьёзнела. Её ореховые карие глаза с золотыми прожилками потухли. А ну давай, рассказывай! – приказала она. И Светлана, только-что считавшая себя бодрой и жизнерадостной, поплыла лицом и закрыла глаза рукой. Лена была прекрасной слушательницей...

– Вот гад! – заключила она, – подавая Светлане полотенце, вымоченное под краном. – И ты из-за такой сволочи? Запомни, если тебе плохо, не надо делать себе хуже! Надо, наоборот, себя ра-а-а-довать! Но это мы поправим, не сомневайся! Они у нас ещё увидят! – погрозила она кому-то кулаком.

И тут из комнаты послышались шлёпающие по полу частые шажки. Из-за двери показался заспанный малыш лет двух-трёх с такими же как у Лены лучистыми карими глазами. Он внимательно посмотрел на Светлану и быстрой перебежкой бросился к Лене, обхватив её руками и спрятав лицо в её халате. Лена подхватила ребёнка со словами: «Это кто у нас тут проснулся, это что за медвежонок прикатился к нам спросонок?». Пообнимав и понежив карапуза, она представила его Светлане.

– Это моё сокровище! Мой Мишутка! – и ребёнку – Это тётя Света!

– Сеета! – повторил малыш, – Таствуй! – и он снова спрятал лицо в маме.

Светлана растерялась. Она не знала, что за это время Лена стала мамой. Она вдруг поняла, что совсем ничего не знает о подруге: как та жила эти годы.

– Таак! Теперь рассказывай ты! – потребовала она.

Усаживая малыша за стол и накладывая ему кашу с крошенным в неё яблоком, доставая булку и сметану, Лена в двух словах описала свою незамысловатую историю. Встречалась с парнем, забеременела, узнала от него о том, что жить надо для себя, прогнала, родила, счастлива. В подтверждение она расцеловала своё сокровище в макушку!

– Подучилась дизайну. Работаю на фрилансе. Да, и с нашего беспечного отца алименты получаем. И это справедливо! Так что нам с Мишенькой хватает. И родители папаши нашего рады, что он на работу нормальную устроился. Они хорошие, просто избаловали сына. Теперь во внуке души не чают, приезжают понянчиться. А я не возражаю. Мы ни на кого не обижаемся, – правда, Мишенька? – И она подняла сына на руках, любовно заглянув в его смеющееся личико. Ребёнок подался к ней, улыбаясь и протягивая руки. Светлана так и запечатлела образ этой пронизанной солнцем картины, оценив мужество и жизнелюбие подруги, так преобразившейся в своём непростом материнстве.

Пока Лена уходила умыть и одевать на прогулку сына, Светлана сидела и думала: «Какая же она глупая рядом со своей почти сверстницей Леной, не побоявшейся одной родить и растить ребёнка. Сама она чуть не натворила дел по сути на пустом месте. По сравнению с другими, она и проблем-то не видала. Вот у неё руки-ноги-голова – всё на месте, есть возможность устроиться на работу, есть тётина квартира. Тут она вспомнила о погорельцах из соседнего дома, из сталинки, о старой профессорше.

– Лена, ты не знаешь, куда разъехались жильцы из сталинки? Там же наша Лидия Александровна жила, геоботаник, помнишь её? – спросила она подругу, обуваящую ребёнка, нетерпеливо вертевшегося на коленях.

– Ой, насколько помню, она с дочерью уезжала. Дочь, ей лет сорок, работает на почте, кажется. Помнишь, такая, высокая, – Лена задрала голову и расправила плечи, показывая, какая эта женщина высокая.

Они вышли из квартиры и Лена порадовалась, что сегодня она сможет погулять в компании подруги. Передавая ребёнка из рук в руки, пытая, то и дело уступая настойчивому желанию малыша идти ножками, девушки спустились, наконец, с пятого этажа. Выйдя на улицу они усадили Мишеньку в стоявшую на площадке первого этажа коляску и, радуясь ясному осеннему дню, зашагали к парку. «А ведь жизнь продолжается!» – подумала Светлана.